
В. Б. БУХМАН

ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ САМОРАЗВИТИЯ, ДИАЛОГА И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ КУЛЬТУР

Если М. Вебер полагал культуру ценностным понятием [1, с. 373], З. Фрейд отождествлял со знаниями и умениями, накопленными людьми, а также с нормативами («институтами упорядочивания») человеческих взаимоотношений [2, с. 95], то тем самым феномен культуры можно редуцировать к феномену социально значимой *ценной информации*, которая являет себя и в знании, и в нормативах взаимоотношений, и в самих взаимоотношениях. Приняв эту посылку, используем далее информационный подход для анализа некоторых закономерностей саморазвития, диалога и взаимопонимания культур.

1. Саморазвитие.

Человека от прочих биоидов в функциональном смысле отличает творчество, запечатленное в артефактах как элементах материальной и духовной культур.

Человек-творец в своей телесно-духовной сущности дуален и информационно: тело «целесолагает» самосохранение, комфорт, порядок, ограничение разнообразия, логику, т. е. *информацию*; дух зовет к риску, свободе (включая свободу от логики), многоальтернативному выбору, разнообразию, т. е. к *диссипации (рассеянию) информации*. Таким образом, дуальность природы человека может рассматриваться в информационном контексте, что заставляет считаться с информационными закономерностями творчества, в частности с *законом сохранения информации* [3]. Этот закон постулирует (в культурологической транскрипции), что совокупная творческая информация – явная

(внешняя) в творении и скрытая (внутренняя) совместно в творении и творце – постоянна и количественно равна суммарной информационной энтропии творца и его творения как мере их общей потенциальной информативности. С позиций закона сохранения информации особый смысл приобретает мнение Х. Ортега-и-Гассета о языке как особом уравнении «между тем, что сообщается, и тем, что умалчивается» [4, с. 345]. Нуль-энтропия языка, т. е. его полная однозначность, означала бы конец филологии и средств художественного самовыражения, так как их дальнейшее развитие, требующее уменьшения энтропии, было бы невозможным – энтропия как мера информативности объектов принципиально положительна. Иными словами, язык, являясь универсальным инструментом объективации, опредмечивания культуры, стимулирования воображения и творческого потенциала, принципиально неоднозначен, «недосказан». «Однозначный язык», если даже такой амбивалентный феномен возможен, низведет тексты искусства к протоколам, «атомарным предложениям», в которых отсутствует какая-либо эмоциональная нагрузка.

Поскольку отношения между любым ресурсом и адресованным к нему запросом имеют информационную природу и, соответственно, подчиняются закону сохранения информации, то, как следствие, сумма телесных и духовных потребностей (*запросов*) человека постоянна и равна сумме его телесно и духовно ориентированных возможностей (*ресурсов*). Отсюда рост одной из потребностей приводит к соответствующему уменьшению другой – телесная и духовная ментальности человека (и человечества) комплементарны, в том числе в культуре. Если саморазвитие культуры целеполагает ее информационную компоненту, то этим пропорционально ущемляется ее энтропийная (духовная) компонента, что и наблюдается в эрзацах телесно ориентированной маскультуры. В свою очередь немотивированно резкий откат в духовность неизбежно влечет регресс материальной культуры, ущемление телесных потребностей человека. Например, таков менталитет многих

православных и исламских общин, отечественной интеллигенции серебряного века.

Гармоничное саморазвитие культуры в рамках объективно действующего закона сохранения информации требует определенного баланса между информационной и энтропийной компонентами. Логично предположить, что такой баланс поддерживается известным *принципом золотого сечения*, согласно которому гармонизируемая сущность делится в приближенном отношении 40% к 60% или наоборот. Этот принцип издревле используется в архитектуре и музыке, этому принципу подчинены пространственные отношения планет (пифагорейская «гармония сфер») и электронов в атоме, форматы печатной продукции, оконных проемов и древесных ветвей, эстетическое восприятие совершенства и красоты. Гармония информационно и энтропийно ориентированных форм культуры важна не только в ее социальном аспекте, но и в индивидуальном, психологическом. Культуре души тоже требуется подобная гармония между корыстным и бескорыстным началами, между левополушарным рассудком и правополушарными эмоциями, между расчетливой осторожностью и безрассудным риском.

Саморазвитие любой формы культуры, сводящееся, в сущности, к накоплению ценной информации и ее упорядочиванию, приводит к росту информационных возможностей социума и индивида. При этом развитию телесно ориентированных возможностей свойственны вполне реальные научно обоснованные материально-энергетические ограничения, обусловленные, в основном, биологическим генезисом человека и человеческой популяции, их исходной материальной аурой. В свою очередь предел духовных возможностей научно не обоснован, вернее сказать, для них не существует обозримого предела. Следовательно, развитие информационного потенциала человечества (в форме естественного и искусственного интеллектов, запечатленных физически в мозгах и на компьютерных дисках, а логически в тезаурусах, базах знаний и семантических сетях)

при соблюдении закона сохранения информации и принципа золотого сечения неизбежно приведет к «одухотворению» материальной культуры (в контекстах экологии, энергосбережения, информатизации, безбумажных и безлюдных технологий и производств), к культу знаний и умений. Соответственно новым возможностям изменятся и потребности. Иными словами, информационный баланс в обществе и человеке поддерживается благодаря диффузионным, взаимопроникающим отношениям между духовными и телесными интенциями возможностей и потребностей.

Аналогично при духовной деградации общества и личности, сопровождающейся уменьшением информативности их тезаурусов, усиливается тенденция «материализации» духовной культуры (конвейерное производство шлягеров, чтива, сериалов, спекулятивного знания, коммерциализация всех сфер духовной жизни, культ успеха и прагматической выгоды).

Моделирование информационных процессов саморазвития (самоорганизации и самообучения) систем выявило определяющее влияние их *памяти* на конечный результат этих процессов [3]. Для культуры как системы память – это динамический процесс накопления, хранения и забывания культурных традиций и ценностей. В данном смысле, как показало моделирование, эволюционной гомеостатической культуре, целеполагающей стабилизацию достигнутого (текущего) разнообразия своих состояний (разнообразия культурных ценностей), свойственны возрастающая по мере развития конечная память и возрастающая энтропия как мера потенциальной информативности (*информации возможностей*) данной культуры (ее тезауруса), ее способности к дальнейшему развитию. В такой культуре происходит эволюционное накопление культурных ценностей и традиций без явного доминирования одних в ущерб другим.

В то же время автостимуляционной (революционной) культуре, целеполагающей доминирование одной ценности (традиции) перед остальными, свойственна постоянная память и быстрое исчерпание информационного ресурса (эн-

тропии), накопленного до начала этапа автостимулирования и затрачиваемого на безоглядный рост внешней информации (*информации потребностей*) вплоть до момента X, когда потенциальная информативность культуры падает до нуля¹ и наступает стагнация культуры. Установлено также, что гомеостатическая «анархическая» система без памяти и гомеостатическая «ортодоксальная» система с бесконечной памятью не способны развиваться вообще в силу своей принципиальной неадаптируемости к изменяющейся среде. В этом смысле есть над чем подумать апологетам постмодерна, постструктурализма, социалистического реализма, ортодоксальных мономорфных и закрытых культур.

2. Диалог.

Объективная необходимость одухотворения культур, духовного рывка человечества как доминанты его самосовершенствования в XXI веке подтверждается также интенциональной закономерностью *информационной экспансии*, согласно которой по мере роста интеллекта систем, участвующих в актах познания и управления, их информационные отношения все более доминируют над материально-энергетическими отношениями [5]. Причины данной закономерности, на наш взгляд, следующие: а) *онтологическая* – информация является неэнергетическим ресурсом, который практически безграничен на фоне объективных материально-энергетических ограничений, свойственных физическим носителям информации; б) *праксеологическая* – информация является доминирующим социально-экономическим ресурсом цивилизованного общества; в) *гносеологическая* – человеческая психика обладает непознанными информационными резервами, освоение которых становится жизненно важным императивом современного человека. Как следствие данной закономерности, информационное общество в своем саморазвитии и интерактивных отношениях все больше должно уходить от ресурсозатрат-

¹ Это соответствует однообразию культуры – единственности ее состояния. Однообразие неинформативно (энтропия системы с одним состоянием равна нулю).

ных форм культурного метаболизма к чисто информационным формам.

Это значит, что от навязывания (пропаганды) субъективных культурных ценностей («культурного причинения»), от воспитательных «мероприятий», наконец, от традиционных форм обучения требуется переход к герменевтическим и феноменологическим технологиям взаимопонимания культур, самовоспитания, самопознания и самообучения в благоприятной информационной среде. При этом цель – максимизация информативности технологий на единицу ресурсных затрат – созвучна феноменологическому определению эстетического качества (Гемстергейс, XVIII в.) как «сообщению возможно большего числа представлений в возможно меньшее время» [6, с. 74]², эстетической мере Г. Д. Биркгоффа как отношению «меры порядка» к «мере сложности (усилий понимания)» [Там же], принципу «наименьшей затраты сил» Р. Авенариуса и отчасти принципу «экономии мышления» Э. Маха [7, с. 310–321].

Важно понять, что в современном мире глобальной информатизации и глобальных телекоммуникаций, где права человека на информацию, конфиденциальность информации, защиту от информации и на интеллектуальную собственность закреплены законодательно, традиционные доказательные, внушающие, воспитательные, обучающие функции культуры (условно назовем их *насильственными функциями*) требуют все больших ресурсных затрат, достойных лучшего применения. Человек и социум издревле платят губительную цену за мизерный квант информации (один бит), который содержится в утверждении «истина–ложь», столь почитаемом администраторами и насильниками от культуры. Чтобы доказать свою правоту, люди тратят чужие и свои ресурсы, пишут, экспериментируют, дискутируют, воюют, обманывают, убивают, погибают (иногда геройски) – и все это ради одного или нескольких бит информации, за которыми эфемерные истина или ложь. Что

² Здесь время – ресурс.

полезного, кроме явного вреда, дают человечеству антагонистические отношения культур, опирающихся на различные религиозно-конфессиональные или политико-идеологические платформы? Какой позитив может быть в противостоянии культуры и контркультуры, теизма и атеизма?

Воистину цена одного бита информации на «рынке культур» неизмеримо велика по сравнению с ценой единиц массы или энергии. Во-первых, это косвенно свидетельствует о существенной ценности информации (идей, знаний) по сравнению с материей и энергией, во-вторых, – о невостребованных пока резервах разума человека. Если эти резервы в обозримом будущем не включатся в работу, следует говорить уже не о резервах разума, а о неразумности человечества.

Доказать нечто можно только через взаимопонимание, достигаемое в некоем полевом взаимодействии через его информационную составляющую при исключении искажающего (шумящего) влияния силовой составляющей. Традиционное информационно-энергетическое, «затратное» *доказательство как управление* должно уступить место чисто информационному, ресурсосберегающему *взаимопониманию как связи*. Именно в этом заключается, по нашему мнению, герменевтическая суть диалога культур; реализация же усматривается в без- или малоэнергетических информационных процессах, элиминирующих шумящие знаковые преобразования кодирования-передачи-декодирования информации, которые свойственны традиционному диалогу. Найдут ли распространение в XXI веке такие информационные процессы, известные скорее в эзотерических, восточных культурах, а также в отдельных феноменальных проявлениях человеческой психики [8–10], сказать трудно. Однако информационная экспансия целенаправляет именно такие информационные процессы, на реальность которых, помимо известных фактов, указывают некоторые результаты современной девиантной науки, нуждающиеся, однако, в проверке [11], а также косвенно –

история развития материальной культуры, в частности, компьютерных технологий – от аппаратно-программных монстров – мэйнфреймов («больших калькуляторов») 50–80-х гг. до изящных портативных *информационных* компьютеров 90-х гг. (с графическим интерфейсом конечного пользователя). Релевантность информационной экспансии подтверждается также всей историей живой материи, движущейся от примитивных перцепций рецепторных ощущений в материально-энергетических органах чувств к апперцепциям – идеальным информационным процессам в рефлексиирующем сознании.

Диалог культур как информационный процесс, осуществляемый в пространстве-времени, подчиняется также *принципу взаимной информации*, согласно которому диалоговая информация количественно одинакова для субъектов диалога, но не может быть больше потенциальной информативности субъекта, обладающего меньшим культурным потенциалом. Иными словами, субъекты – носители культур, разных по спектру ценностей и традиций – открыты друг другу только в пределах наименьшего спектра или в пределах области пересечения спектров. Чтобы субъект мог в диалоге освоить новые для себя спектральные составляющие другой культуры, ему потребуется расширить или сместить спектральную «полосу пропускания» своего приемника, т. е. настроить его на спектр другой культуры. Эти аксиомы связи как коммуникации действительны и для коммуникации культур. Пренебрежение ими приводит к парадоксальным ситуациям длительного непересекающегося сосуществования или противоборства «богатых» и «бедных» материальных, духовных и душевных культур, совмещенных пространственно и хронально. Причины подобных парадоксов скорее социально-психологические, нежели информационные. Полноценные информационные процессы в технике связи требуют обоюдной *согласованности* амплитудно-фазо-частотных характеристик передатчика и приемника сигналов. Аналогично полноценные информационные процессы в диалоге культур требуют

обоюдного *согласия* (согласованного стремления к взаимопониманию) участников данного диалога.

Подчеркнем, что количественная взаимность информации не равноценна качественной взаимности. Качество информации, т. е. ее смысловая и прагматическая компоненты определяются свойствами субъектов диалога, каждый из которых одну и ту же информацию может понимать и использовать по-своему. В этом и состоит главная *информационная проблема* диалога культур. Не менее важной является проблема ценности информации (культурных ценностей). Любая известная мера ценности является отсроченной мерой, ибо в текущий момент невозможно определить, что передано/принято – информация, дезинформация или информационный шум. В результате многие культурные ценности стали общепризнанными лишь после смерти их творцов, а другие, получившие немедленное признание, оказались по прошествии времени разноцветными мыльными пузырями.

3. Понимание и взаимопонимание.

Человеческие взаимоотношения на уровне индивидов, коллективов, социумов как субъект-субъектные (диалоговые, интерактивные) отношения продуктивны, если между субъектами существует взаимопонимание. В субъект-объектных отношениях в плане культурного саморазвития субъекта важен аспект понимания объекта. Герменевтические *феномены понимания и взаимопонимания* подразумевают постижение или генерацию смысла понимаемого, а смысл объекта есть семантическое содержание информации об объекте, реализуемой в языке понимания. Поэтому применим информационный подход к данным феноменам с целью выявления их закономерных свойств, исходя из информационного генезиса языка и закономерностей информационных процессов (взаимо)понимания.

Прежде всего рассмотрим подробнее проблему языка понимания, ибо, согласно Ж. А. Пуанкаре, «люди не понимают друг друга потому, что они не говорят на одном и том

же языке, и потому, что есть языки, которые не могут быть изучены» [12, с. 616]). Л. Витгенштейн пришел к выводу, что философские проблемы возникают в результате неверного понимания языка или порождаются языком [13]. Х. Гадамер: «...философия – это постоянное усилие отыскания языка... постоянная мука нехватки языка» [14, с. 34]; «все феномены взаимосогласия, понимания и непонимания... суть явления языковые» [Там же, с. 44]. К приведенному ранее мнению Х. Ортеги-и-Гассета о языке как особом уравнении добавим, что это уравнение со многими неизвестными, значит, строго говоря, решения есть, но их *бесчисленно много*. При этом только человек, пожалуй, единственное существо, которое осознает это и создает из языка и посредством языка проблему.

Итак, язык понимания – это философско-культурологическая проблема, и состоит она в неоднозначности, неточности *употребления* языка, в условности *языковых соглашений*. И так же, как в арифметике *действительных чисел* мы производим вычисления с заранее оговоренной, исходя из контекста задачи, точностью, так и при употреблении *действительного языка* существует известная степень точности, зависящая от контекста сообщения и допустимая для осмысленного общения.

Ведь обыденный язык полон неясностей и тем не менее успешно употребляется благодаря подмеченному Витгенштейном «*семейному сходству*» слов. Конечно, нельзя экстраполировать лингвистический релятивизм на всю территорию языка. В некоторых случаях сам контекст требует максимально возможного совпадения дефиниций и сущности, как, например, в юридической или научной терминологии. И тем не менее юридическое крючкотворство тоже использует полисемию и омонимию языка в интересах обвинения или защиты. Попытки адептов аналитической философии (Б. Рассела, «раннего» Витгенштейна и др.) редуцировать научные утверждения к простым однозначным «*атомарным предложениям*» тоже не увенчались успехом. Более того, можно показать, что в общении на уровне ато-

марных предложений просто нет необходимости. Достаточно заставить нас общаться с компьютером в двоичном коде, чтобы понять это. Редукционизм до двоичного кода необходим лишь постольку, поскольку требуется полная ясность того, что может быть сказано о компьютерных технологиях. Но осмысленно общаться с компьютером можно и с помощью алгоритмических языков программирования, стандартного интерфейса операционных систем через соответствующие трансляторы – переводчики в двоичный код. «Поздний» Витгенштейн вслед за Пуанкаре и гештальтпсихологами пришел к выводу, что простота предложений не самодостаточна, а обусловлена контекстом заданного вопроса. В зависимости от контекста простота может обернуться сложностью и наоборот, вне контекста понятия простоты и сложности бессмысленны. Так, язык графического интерфейса современных компьютерных технологий с точки зрения конечного пользователя достаточно прост. Но за простым интерфейсом стоит проблема языковой сложности его программного обеспечения. Программы «простых» Windows-технологий на несколько порядков сложнее предшествующих им программ «сложных» DOS-технологий.

Итак, мир не отражается в языке, полном условностей и недомолвок, любой язык нельзя верифицировать другим языком. Возможно, это связано с ментальным, а не физическим генезисом языка [15]. Если язык по происхождению ментален, то как лингвистически проинтерпретировать ментальные образы другими ментальными образами? Или все же придется «докопаться» до образов реальности? Каждое слово значимо только в предложении, а значимость предложения зависит от контекста. Следовательно, сколько контекстов, столько значений одного и того же предложения, сколько предложений, столько значений может иметь одно и то же слово в этих предложениях. Так, значения *идеала*, *очарования* и *странности* разные в эстетике, математике и физике, так же как значения *функции* в математике, программировании, политике. *Любить* можно что угодно и кого угодно.

Язык неоднозначен, языковые игры существенно ассоциативны, контекстуальны, стохастичны. Нет эталонного языка – арбитра. Попытки Д. Э. Мура, Н. Малкольма сделать арбитром обыденный язык натолкнулись на противодействие Б. Рассела, Р. Чизолма, Д. Остина, полагавших, что обыденный язык не слишком значим для философии [16]. Действительно, поиск истины в современном мире средствами обыденного языка – арбитра других языков – может привести нас к азбучной ереси откровения из уст невежд.

Что же значимо, что может служить арбитром в языковых играх, где правит некая лингвистическая неопределенность, сходная с физической неопределенностью в квантовой механике? Для точного измерения скорости или положения элементарной частицы одно из них надо просто *зафиксировать*, чтобы измерить другое, – одновременное точное измерение скорости и положения невозможно. В языке то же самое – какая-то пропозиция должна быть принята *a priori*, *безусловно*, чтобы остальные, с ней связанные, были обоснованы: «Если я хочу, чтобы дверь отворялась, петли должны быть закреплены» (*Л. Витгенштейн*) [13, с. 362].

С позиций лингвистической философии нельзя говорить об истинности или ложности любых философских предложений, можно только оценивать их правдоподобность в вероятностном смысле, и то, если они основаны на опытных данных. В частности, значимость метафизических предложений вообще не подлежит оценке. Не потому ли истинная философия в расхожем понимании – генератор проблем, вопросов, но не решений, ответов, свободная рефлексия, цель которой – «показать мухе выход из мухоловки» [13, с. 186]. Эта мухоловка построена языком, околдовавшим наш разум.

На относительную истинность исходных утверждений объективно налагается неоднозначность их интерпретации, т. е. *перевода*. Даже если утверждение редуцировано до атомарных аксиоматических утверждений, когда вроде бы вопрос перевода не возникает, мы имеем дело с вырожден-

ным внутрilingвистическим переводом, который тоже релятивен. Так, любое высказывание «X есть Y» можно неправильно понять даже на родном языке, и тогда мы вправе спросить: «В каком смысле X есть Y?»

Перевод упрощается, когда он имеет дело с фактуальными высказываниями, но чем дальше от опыта (и тем ближе к метафизике чувства), тем перевод затруднительнее, произвольнее. А уж чисто метафизические высказывания этического и эстетического характеров иногда просто непереводимы в форме «объяснительных записок». В результате любой «переводчик – предатель» оригинала: Traduttore – traditore (ит.) [4, с. 337], [17, с. 237]. Это имманентная аксиома лингвистики.

Перевод понимаемого в объясняемое (доказуемое) и обратно информационно равнозначен кодированию (квантификации) континуальной информации понимания в дискретную информацию объяснения и декодированию последней вновь в континуальную информацию. В совокупности это типичный *информационный процесс*, включающий передачу-прием сигналов, несущих информацию. За кажущейся простотой данного процесса скрывается целый пласт сложных проблем: проблема понимания («ничего не понимаю»), проблема кодирования (интерпретации) понимания («понимаю, но объяснить не могу»), проблема декодирования (деинтерпретации) объяснения в понимание («объяснение (доказательство) непонятно»), проблема взаимопонимания («мы не понимаем друг друга»). Если интерпретатор преобразует континуальные (непрерывные, целостно-образные) символы языка понимания в дискретные (конечномерные, абстрактно-логические) коды языка объяснения, то, как и любая дискретизация, это приводит к неполноте и искажению исходной информации и, как следствие, к ее конечному недопониманию. В результате интерпретации понимания объекта познания смысл, заложенный в объект его творцом и открываемый познающим субъектом в кодах интерпретатора, сливается с неадекватным смыслом, творимым самим субъектом. Полагаем, в этом и состоит герменевтическая суть феномена понимания.

Означает ли это, что языки объяснения следует исключить из культурного диалога в пользу языков понимания? Нет, мы против такой крайности. Каждый язык имеет свою прагматическую нишу. Ведь человек напрямую не разговаривает с компьютером на машинном языке. Тому есть веские причины, обусловившие в свое время переход к алгоритмическим машинно-независимым языкам программирования и, наконец, к стандартным визуальным и речевым интерфейсам³. Но скрипач использует язык объяснения – нотный стан – лишь как путеводитель к взаимопониманию со скрипкой, испытывая гадамеровские муки нехватки языка. Не такие ли муки испытывает интерпретатор живописи и поэзии, мировоззрения и веры? В подобной ситуации источнику понимания рекомендуется пользоваться не двоичной («истина-ложь»), а многозначной логикой, не только дедукцией, но и индукцией, не одной-двумя рассудочными формами языка объяснения, а полиморфными (на языке объяснения), герменевтическими и феноменологическими (на языке понимания, *минуя язык объяснения*) способами объяснения (доказательства), когда источник и потребители информации взаимодействуют не только и даже не столько на уровне рассудка, сколько на уровне разума, чувства, интуиции, не только воспринимая, но и переживая интерпретацию. Чтобы добиться (взаимо)понимания в этом сложном мире, надо самому стать «сложным». Только тогда можно объяснить, доказать всем, а не рефлексировать лишь для себя: «Художник должен вдохновлять, а не вдохновляться» (С. Дали).

Язык – тот же *код*. Следовательно, он подчиняется принципам кодирования. Язык – это *отношение*. Следовательно, он подчиняется принципам связи как отношения между передатчиком и приемником. Язык – это сложная *структура* с динамическим разнообразием. Следовательно, он подчиняется информационным принципам и законам поведения информационного разнообразия и управления

³ Автор полагает современный компьютер, а вернее, *информационную машину* также субъектом культурного диалога.

этим разнообразием. Сказанного достаточно, чтобы считать язык объектом информационного подхода, а проблему языка полагать генетически связанной с проблемой информации, высшей формой которой является знание. Язык и знание эволюционировали совместно, ибо знание проявляется в форме языка, а язык мертв без знания. Но знание онтологически относительно, так как любая внешняя информация конечна, а информативность познаваемого мира асимптотически бесконечна [5]. Язык в своей неоднозначности наследует относительность знания. Соответственно, неоднозначность и дискретность языка вносят свою лепту в ущербность знания.

Итак, согласно нашим представлениям, природа языка – информационная и все языковые проблемы и коллизии – чисто информационного свойства. В этом плане проблема генезиса языка как лингвистического «авторства» Бога, человеческого духа или материального труда становится вторичной, философски менее значимой, чем проблема отношения языка и информации. В данной проблеме, рассмотренной нами в [5], обратим внимание на проблему *языкового шума*, т. е. помех, создаваемых одними языками другим.

В языковой практике, помимо естественных помех, внешних по отношению к языку (внесистемных помех), присутствуют *внутрисистемные помехи*, создаваемые самим языком. Так, командные языки управления (в армии, программировании, автоматизированных системах управления и др.), научно-технические языки, языки математики и логики, нацеленные на однозначные информационные понятия, суждения и умозаключения, часто не достигают цели, ибо подвергаются неосознанному, объективному мешающему воздействию неоднозначных, энтропийных языков (обыденного, литературного, публицистического). Данное воздействие привычно и неизбежно для любой языковой среды.

Эти языки-помехи и создают т. н. языковой шум, не позволяющий даже самому организованному языку – ис-

кусственному языку программирования – добиться полной однозначности, т. е. «нуль-энтропии». Начиная с определенного порога сложности ни одна программа не работает без ошибок, многократно редактируется, и все равно «самая грубая ошибка будет выявлена, лишь когда программа пробудет в производстве, по крайней мере, полгода» [18]. Тщательный анализ причин алгоритмических (наиболее опасных) ошибок в программировании (в грамматике это синтаксические ошибки) показывает, что у неопытных программистов в большей, у опытных в меньшей степени проявляется влияние языкового шума, выражающееся в неосознанных попытках навязать командному языку программирования логические структуры обыденного языка.

С другой стороны, как отмечалось выше, нуль-энтропия любого языка означает информационный предел развития от полной неопределенности, недосказанности к полному порядку и безальтернативности выбора смысла, отсутствию каких бы то ни было степеней свободы у потребителя информации. Подобное языкотворчество чуждо энтропийному менталитету творческого человеческого духа: «...там, где обнаружена соизмеримость вещи с пересказом, там простыни не смяты... поэзия не ночевала» (*О. Мандельштам*). Живопись, музыка потускнели бы в своих неповторимых красках, будучи бесстрастно разложенными на мазки и ноты, однозначно упорядоченные и объясненные искусствоведами: «...музыку я разъял, как труп» (*А. С. Пушкин. Моцарт и Сальери*). К счастью, конечность любой внешней информации исключает печальную возможность информационной «нуль-энтропии», делая последнюю чисто гипотетической.

В этом смысле свойственная аналитической философии проблема неоднозначности языка перестает быть актуальной. Язык имеет право на неоднозначность. Более того, он должен быть неоднозначным, чтобы быть информативным. Неоднозначность языка информационно объективна и необходима для его развития, ибо информация есть там, где неоднозначность, разнообразие, и ее нет там, где однознач-

ность, однообразие. Информативность языка в приведенном смысле объективирует многообразие толкований и пониманий смыслов действительности, разнообразие лингвистических нюансов и мотивировок человеческого взаимопонимания. И это прекрасно!

4. Об информационной общности материальной и духовной культур.

Автор сознает, что многогранные проблемы саморазвития, диалога и взаимопонимания культур не могут интерпретироваться лишь в терминах информационного подхода, как это сделано выше. Однако полагаем, что приведенная точка зрения, несмотря на ее «технологичность» и, как следствие, возможную неприемлемость для гуманитария-профессионала, имеет право на плодотворное участие в решении данных проблем. Дело в том, что информационный подход, традиционно относимый к методологии научного познания, к философии науки, техники и материальной культуры, имеет непосредственное отношение и к духовной культуре социума и индивида.

Артефакты материальной и духовной культур при их кажущемся различии информационно родственны, будучи плодами одного и того же человеческого разума. Разница лишь в том, что в материальные артефакты человек вкладывает больше логико-рассудочное, чем эмоциональное начало, а в духовные артефакты – наоборот. Но в любой артефакт в большей или меньшей степени вложены оба начала совокупного разума. Поэтому у нас нет серьезных оснований к жесткому разграничению информационных аспектов научно-технической и духовно-художественной форм творчества.

В этом мы не оригинальны. Н. Гудмен полагал безосновательной «деспотическую дихотомию» научно постигаемого и художественно-эмоционального [19]. «Поздний» Витгенштейн пришел к выводу, что научные предложения – равноправные «участники» контекстуальных «языковых игр», наряду с другими типами предложений – этические

скими, метафизическими, эстетическими, религиозными, обыденными и т. п. [13]. Ж. А. Пуанкаре [12], М. Клайн [20] отмечали конвенционализм математики, ее «гуманитарный» характер в ряду других гуманитарных областей знания. Достаточно вспомнить баталии о признании нуля числом или метафизическим «ничто» [21]. Достаточно признать, что понятия красоты, божественности, с одной стороны, и математической строгости, с другой, не антиподы, а близнецы [22].

Информационная природа сознания исследуется не только философами [23], но и нейрофизиологами [24], психологами [25], кибернетиками [17]. Поэтому если Сальери и отравитель (что вряд ли), то упрекать его согласно пушкинским строкам в «алгебраизации гармонии» тем более не стоит – алгебра и гармония открыты для взаимопроникновения и взаимообогащения (в пределах разумного!). Аналогично, если для понимания информационных процессов в культурном слое социума полезно использовать знание аналогичных процессов в технических системах, созданных тем же культурным слоем, то вряд ли гуманитариям стоит раздражаться по поводу подобных вторжений в их епархию. Прогрессирующая информатизация культуры – факт, как и гуманизация, окультуривание информатики. Проблема не в запретах, а в осмыслении допустимых границ информатизации культуры – материальной и духовной [26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1990.
3. Бухман В. Б. Информатика в системе философского доказательства. Тверь, 1998.
4. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? // Сб. трудов. М., 1991.
5. Бухман В. Б. Философия информационного подхода. Тверь, 2000.
6. Биркгофф Г. Математика и психология. М., 1977.

7. Гуссерль Э. Логические исследования // Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.
8. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1991.
9. Мессинг В. Я – телепат. М., 1990.
10. Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Реальность нереального. М., 1995.
11. Журнал «Сознание и физическая реальность». Т. 1. 1996. № 3.
12. Пуанкаре Ж. А. О науке: Сб. трудов. М., 1990.
13. Витгенштейн Л. Философские работы: В 2 ч. Ч. I. М., 1994.
14. Гадамер Х. Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
15. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
16. Аналитическая философия: Избранные тексты. М., 1993.
17. Винер Н. Кибернетика. 2-е изд. М., 1968.
18. Блох А. Закон Мэрфи // Ваше преуспевание в ваших руках. М., 1993.
19. Goodman N. Languages of Art. Indianapolis – N.-Y., 1972.
20. Клайн М. Математика. Поиск истины. М., 1988.
21. Kaplan R. The nothing that is. A Natural History of Zero. Oxford, 1999.
22. Huntly H. E. The divine proportion on a study in mathematical beauty. N.-Y., 1999.
23. Дубровский Д. И. Информация, сознание, мозг. М., 1980.
24. Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение. М., 1988.
25. Рейтман У. Познание и мышление. Моделирование на уровне информационных процессов. М., 1968.
26. Бухман В. Б. Информатизация культуры или окультуривание информатики – проблема границ // Культура мира: перспективы на рубеже XXI века. Тверь, 2001.